

ФРОНТОВИКИ – ПОТОМКАМ

Есет Ауксбаев

ДЕВЯТОЕ МАЯ

И сам не знаю, что со мной такое...
 Но всякий раз, как зацветут сады,
 Лишаюсь я привычного покоя
 На улицах моей Алма-Аты.
 Гляжу печально в небо голубое,
 На горы, на деревья, на цветы...
 И с непонятной на сердце тоскою
 Кружу средь шумной майской суеты.

Подумаешь – так вроде всё в порядке:
 И с совестью я не играю в прятки,
 И всю жизнь мою честь защищена...
 Но май в разгаре.

Завтра – день девятый...

И, значит, завтра в памяти солдата
 В который раз окончится война.

Перевод В. Антонова

Алексей Крючков

БАЛЛАДА О ПТИЦАХ

Июньской ночью из-за границы
 Летели птицы, летели птицы.
 Они на крыльях несли тревогу:
 «Враг у порога! Враг у порога!»

Рассвет разбужен железным громом.
 Беда нависла над каждым домом.
 Лютует недруг, ещё не битый...
 Пернатым стаям нужна защита.

Россия, пусть ей и трудно было,
 Своим крылом их от бед прикрыла.
 Она в атаках платила кровью,
 Чтоб им вернуться в свои гнездовья.

Летели птицы за нашим войском
 Над полем польским
 и над саксонским...

Победа!
 В небе не эскадрилья,
 А слитный шелест знамён и крыльев.

Семён Анисимов

СОЛДАТСКАЯ ДУМА

Давай, товарищ, посидим
 В молчании вдвоём...
 Сверкают искорки седин
 На ёжике твоём.

Я эту россыпь седины
 Читаю так, браток,
 Что ты прошёл поля войны
 И вдоль и поперёк.

Взгрустнулось, землячок, видать...
 Война-то не легка...
 О чём ты думаешь, солдат
 Стрелкового полка?

Конечно, с каждым на войне
 Бывает, не секрет:
 Увидишь милую во сне,
 А встанешь – милой нет.

Ну, что ж, товарищ, ни с одним
Тобой бывало так:
Мы на войне любовь храним
В улыбках и мечтах.

Поймёт невеста иль жена,
Тебя встречая вновь,
Что неизменна и сильна
Солдатская любовь.

Простишься с сумкой полевой
И вещевым мешком,
Жена расчешет ёжик твой
Домашним гребешком.

И скажет:
«Сколько седины!
Да, вижу, мужичок,
Что ты прошёл поля войны
И вдоль и поперёк.

Не зря, тоскуя и любя,
Я ночи не спала...
Таким я помнила тебя,
Таким домой ждала».
1944

Сирбай Мауленов

ОКОП

Я не боялся ветра сырого,
И не страшили меня снега,
И против бури пошёл без слова,
Чтобы достойно встретить врага.

Смерть мне грозила на узких тропах,
Множа рубцы на земной груди.
Сколько же дней я провёл в окопах –
В луже по пояс,
По пояс в грязи!

Но покидал я окоп свой, словно
Снова прощался с домом родным:
Всё, что солдату судьбой даровано,
Было на фронте связано с ним.

Он отводил от меня несчастье,
Он от ветров меня защищал!
Тесен и мал был окоп, но часто
Он для солдата весь мир вмещал.

Перевод О.Дмитриева

Леонид Скалковский

ВСЕГДА В СТРОЮ

Стоял взволнованный, а мимо
Бойцы привычным строем шли,
И с каждым шагом ошутимо
Подрагивала твердь земли.
Бойцы шагали плотным строем:
Пилотка - штык,
Пилотка – штык...
И пыль ложилась белым слоем
На плечи и на воротник.

Я сам измерил путь солдата –
Бессмертьем вымощенный путь,
И мне хотелось, как когда-то,
Ремень потуже затянуть.
Бойцы прошли своей дорогой
В сиянье молодого дня,
И в том строю, литом и строгом,
Всегда есть место для меня!

Джубан Мулдагалиев

НА МАМАЕВОВОМ КУРГАНЕ (отрывок)

Бесконечной рекой,
Позабывшей покой,
Там и тут, там и тут
Люди тихо идут,
Люди всходят на древний курган.
Люди света полны,
Люди потрясены,
Словно мёртвым пора
Подоспела с утра
Проступить сквозь безликий туман.

.....

Явь грохочущих дней
 Восстаёт из камней.
 И сквозь годы вперёд
 В бой идёт и идёт
 Под резцами воскресшая рать.
 Тонко взвизгнул металл –
 Сын на землю упал.
 И над мёртвым бойцом,
 Над бескровным лицом
 Держит знамя скорбящая мать.

В дни сражений стократ
 Духом крепнет солдат.
 Но смирилась гроза –
 Что ж мы прячем глаза?
 Что же взор их не твёрд и не сух?
 За стеною стена
 Здесь несёт имена:
 И сникает вдова,
 Ни жива ни мертва,
 Словно муж ей откликнулся вдруг...

Это памятник тем,
 Кто, от ярости нем,
 Встал здесь давней порой.
 Этот каменный строй –
 Как войска на святом рубеже.
 Здесь сраженье – и всё ж
 Ты отсюда уйдёшь,
 Унося не войну,
 Не печаль, а весну.
 Унося обновленье в душе!

Перевод Вл. Савельева

И взяли доты,
 И от моей курсантской роты
 Осталось двадцать три штыка.

А после лютых контратак
 Над почерневшим полем боя
 Нас встало из окопов двое,
 Чтоб видеть, как бежит наш враг
 И как впервые в грозный час
 Война попятилась на запад.
 «Катюш», ещё безвестных, залпы
 Гремели за спиной у нас.

И только тут я понял вдруг,
 Что ранен, что теряю силы...
 Метель, как мать, заголосила,
 И побелело всё вокруг.

Потом беспамятство и бред,
 В бреду всё тот же бой кровавый,
 Который сны мои взрывает
 И нынче – через столько лет.

Мне нынче, стыд сказать друзьям,
 Случается сражаться с дрянью
 И горько думать с опозданием –
 Зачем я не остался там –
 На поле славы, под Москвой,
 Где спят ровесники, не зная,
 Какая это шутка злая –
 Держать бойцу подобный бой,
 Как не хватает их порой...

Но пусть спокойно спят ребята.
 Мне не позволит честь солдата
 Уйти с моей передовой.

Леонид Кривошнёков

ЧЕСТЬ СОЛДАТА

Я должен был остаться там –
 На выюжном поле под Москвою,
 Где мы, захлёбываясь кровью,
 Ползли по огненным снегам.
 Ползли, готовясь для броска,
 И бросились,

Владимир Чугунов

ПЕРЕД АТАКОЙ

Если я на поле ратном,
 Испустив предсмертный стон,
 Упаду в огне закатном,
 Вражьей пулею сражён.

Если ворон, словно в песне,
Надо мною круг замкнёт,
Я хочу, чтоб мой ровесник
Через труп шагнул вперёд.

Пропотевшую пилотку
Пусть не снимет с головы,
Пусть не слёзы душат глотку –
Гнев огнём горит в крови.

Пусть, зажав винтовку твёрдо,
Отомстит за смерть мою,
За страдания народа
И за Родину свою!

Саду Машаков

МАНШУК

Орудия гремели, словно гром,
Горело небо и земля кругом.
В тот миг я видел девушку-казашку,
Что встретилась, не дрогнувши,
с врагом.

В её руках был пулемёт «Максим».
Она в боях не расставалась с ним.
Не отставала от бойцов в походах
И верила: мы дом свой отстоим!

В глазах зажётся ярости огонь.
Земля вздымалась на дыбы, как конь.
В тот миг Маншук не думала
о смерти,
Лишь сталь «Максима» чуяла ладонь.

Строчит, строчит безумный пулемёт,
Врагам убитым потерявший счёт.
И девушка, что ранена смертельно,
До боли закусив губу, встаёт.

Пока врагов убитых вновь и вновь
Считает в сердце неостывшем кровь,
Маншук свой пост солдатский
не покинет
И не предаст к земле своей любовь.

И помнить будут степи свою дочь,
Что Родине большой пришла помочь
В тяжёлый час суровых испытаний,
Чтоб светлым день был
и спокойной ночь.

Перевод Н.Черновой

Михаил Чистяков

ПО СЛЕДАМ ВОЙНЫ

Вертячий, Фастов, Котлубань...
Стой, сердце, стой! Уйми удары!
Над Волгой – алые пожары,
За Волгой – травы и хлеба.
Молчат холмы. Поля чисты.
Как будто не было здесь битвы.
Но память режет, словно бритва,
Года на жёсткие пласты.
Здесь били пушки, кровь текла,
Рычали «тигры» смертным рыком.
Вся твердь снарядами была,
Как чёрной оспою, изрыта.
Здесь цель выслеживали «рамы»,
Штыки щетинились. Но мы
Ожесточённо, зло, упрямо
Врастали в балки и холмы.
Мы падали, мы умирали,
Мы покидали белый свет,
Но, стиснув зубы, повторяли:
«Для нас земли за Волгой нет!»
Нас жгло, коверкало, косило,
Секло у каждой высоты.
...Ищу солдатские могилы,
Кладу печальные цветы.
И с обнажённой головой
Стою над павшими – живой...

Валентин Смирнов

* * *

Пристреляны и вскопаны
Нагие берега.
За бруствером окопным
Брусничные луга.

И рядом, рядом, рядом,
Тяжёлые, как страх,
Взрываются снаряды
На гулких берегах.

Бездумная отвага
На фронте не в чести:
К болоту по оврагу
Под пулями ползти.

А ты в бреду, ты стонешь,
Ты громко просишь пить,
Но холодом ладоней
Тебя не напоить.

Прикрой меня, пехота,
Косым и навесным.
Ползу, ползу к болоту
По травам голубым.

За ржавую водицей,
За горькою на вкус.
Ни встать, ни в землю врыться,
Ни спрятаться за куст.

И каждый шаг – на ощупь,
И нервы, как струна.
А немец бьёт всё жестче:
Четвёртый год война.

И ко всему привычная,
Пехота не поймёт:
Где ягода брусничная,
Где кровь моя цветёт.

Александр Елков

НА ЗЕМЛЕ АУСТЕРЛИЦА

Шёл сорок пятый год в зарницах.
Бомбёжка. Фланговый удар...
Полз по земле Аустерлица
Ко мне с бинтами санитар.
К Берлину,
Смяв поля и доты,
Катил войны девятый вал.

Восход алел – как будто кто-то
Штандарт победы поднимал.
Сносило дым весенним ветром.
И пулемёт взахлёб строчил.
...Ну, вот и я на поле этом
В бою осколок получил.
Замолкла где-то батарея
На новой линии огня,
И тень Болконского Андрея
Прошла в трёх метрах от меня.
Под чешской сломанной телегой
Лежал я, страх зажав в зубах,
И на плацдарме гулком века
Мёрз в полусбитых сапогах.
Как на кресте судьбы распятый,
Лежал и мёрз, навзрыд стонал.
И в изголовье у солдата
Хранитель-ангел не стоял.
Взамен его другая птица,
Кормясь единою войной,
Ещё с времён Аустерлица
Кружила хищно надо мной...

Халим Ергалиев

НЕ ЗАБУДУ

Не забуду вовек,
до конца своих дней,
Как шагали враги по Отчизне моей.
Как, детей разогнав
пулемётным огнём,
В наши школы они заводили коней.

Как я их и в горах, и в болотах стерёг,
Как свинцом поливал
на развилках дорог.
А ночами опять по просёлкам глухим
С почерневшим лицом
уходил на восток.

Не забуду горящее поле овса,
По-над полем народ, уходящий в леса.
Отсвет страшных пожаров
мой путь освещал,
И казалось, горели кругом небеса.

Не забуду, как наших друзей хоронил,
Под огнём отступал

от священных могил...

А потом из засады стрелял по врагам,
Сколько было снарядов,
патронов и сил.

Как я встал-устоял,
принял смертный свой бой
На виду у Кремля,

под великой Москвой.

Устоял, и впервые погнал палачей.
...Это было ещё в сорок первом,
зимой.

Я три года их гнал!

Где ползком, где броском,

От Москвы до Берлина
прошёл я пешком.

И опять хоронил побратимов своих,
С кем делился в пути
табачком и куском...

Не забуду, как пал за Варшаву Гали –
Крылобровый джигит,
сын казахской степи.

Как я имя его на доске вырезал,
А полячки цветы полевые несли...

Как я вырвал Победу великой весной
И от счастья заплакал,
и вместе со мной

Ликовали все честные люди земли,
И победный салют
прогремел над Москвой.

Перевод Л.Кривощёкова

Ручья Матарина

ТЕМ, КТО ВЕРНЁТСЯ С ВОЙНЫ

Вы долго будете носить гимнастёрки
И потрескавшиеся трубки свои
хранить

Рядом с воспоминанием
о безымянном пригорке,

В котором друга пришлось хоронить.

Ещё вы не знаете этого сами,

Но все, живущие на земле,

В день мира –
хоть на день –

станут друзьями,

Забыв об испытанном миром зле.

А вам, по земле окровавленной
ползшим

С винтовкой...

Вам в этот заветный день

Люди окажут такие почести,

Каких не бывало нигде.

Пусть по ночам
вы будете вскрикивать

И, проснувшись,
плакать

оттого, что во сне

Осколок опять оторвал вам руку,

Пятная кровинками снег...

Пусть на рассвете глазами жадными

Вы будете всматриваться
в любимых лица

И трогать их веки и губы пальцами,

Чтобы поверить, что вам не снится...

1941

